

— Сшито, теперь можешь меня простить? — Гу Цзинцзэ протянул плюшевого медведя сидевшему рядом и пристально наблюдавшему за ним Цзян Фэну.

Цзян Фэн взял игрушку, повертел так и этак, разглядывая со всех сторон, и потрясенно уставился на него:

— Ты что, тайком мне другого подсунул?! — спросил он с вызовом в голосе.

Гу Цзинцзэ ущипнул его за слегка грубоватое лицо и недовольно бросил:

— Ты же от начала и до конца сам всё видел, как у тебя язык поворачивается говорить такое?!

— Но...

— Никаких «но». Скажи лучше, доволен ты или нет?

Цзян Фэн с нежностью прижал к себе мишку и счастливо кивнул.

Гу Цзинцзэ подался ближе к Цзян Фэну, указал пальцем на собственную щеку, явно ожидая от него какой-то инициативы.

Цзян Фэн всё понял, смущенно отступил к краю кровати и покачал головой, давая понять, что не станет этого делать.

— Цц, я же тебе всё зашил, неужели даже небольшой награды не положено?

— Нет, не нравится, — твердо ответил тот.

Гу Цзинцзэ не стал настаивать, зная, что этот упрямец своего не уступит — упрям так, что никакой грузовик с места не сдвинет.

Разочарованный, он плавно растянулся на постели и с досадой подумал: «Ну до чего же ты похож на того бессердечного нищего из моего детства!»

— Я ведь из лучших побуждений поделился с ним своей любимой выпечкой, а он всё уплел — и тут же отрёкся от знакомства, да еще и обругал меня... Вы все умеете разбивать мне сердце.

Гу Цзинцзэ повернулся на бок, с грустным выражением лица уставился на сидящего у края постели Цзян Фэна и продолжил:

— А еще я тогда дал ему поиграть со своим самым любимым плюшевым мишкой, а он в итоге за спиной у меня стянул его и сбежал, и след простыл... Тьфу, да этот медведь точь-в-точь как тот, что у тебя в руках, разве что расцветкой чуть светлее, скорее цвета хаки.

Он завел этот разговор о прошлом нарочно, чтобы задеть нынешнего Цзян Фэна, вызвать у него угрызения совести и добиться своего. В его словах явственно сквозило намеренное иносказание.

Услышав это, Цзян Фэн замер отхлынувшего волнения, в его глазах вспыхнула искорка надежды обрести утраченное. Он с тревожной спешкой подался к лежащему на кровати Гу Цзинцзэ, ухватил его за полу одежды, и его губы едва заметно задрожали:

— Скажи... раньше тебя звали Малыш Пышка?

Услышав это знакомое прозвище, Гу Цзинцзэ мгновенно переменялся в лице. Щеки покрылись неестественным нежно-розовым румянцем, а в голосе прорезалась растерянная, выданная с потрохами защита:

— Ты о чем? Я ничего не слышу! — классическая глухота на заказ.

Гу Цзинцзэ отмахнулся от руки Цзян Фэна и отвернулся, спасаясь бегством: слышать слышал, но отвечать не собирался.

Видя такое поведение, Цзян Фэн занервничал еще сильнее, сердце сжалось отчаянно и больно — ему до зарезу нужно было получить ответ.

Как бы он ни дергал Гу Цзинцзэ и ни звал его, тот упорно игнорировал все попытки достучаться, наотрез отказываясь говорить, словно скрывал нечто постыдное.

В отчаянии Цзян Фэн придвинулся к Гу Цзинцзэ вплотную и, склонив голову, сам поцеловал его, пытаясь задобрить и выведать заветный ответ.

Гу Цзинцзэ решил, что не получив желаемого ответа, Цзян Фэн разъярился и теперь полезет в драку, как вдруг его губ коснулось неумелое, неуклюжее пощипывание.

Напор был столь отчаянным, что он даже стукнулся зубами, охнул, зажав рот ладонью от боли, но Цзян Фэн и не думал останавливаться.

Гу Цзинцзэ не стал перехватывать инициативу и просто позволил Цзян Фэну властвовать, а на душе у него сладко пузырилось торжество.

Одна-единственная слезинка, полная тоски по утраченному, сорвалась и упала Гу Цзинцзэ на

брови. Тот вздрогнул и прервал безумное покусывание.

Одной рукой обхватив его потерявшую опору талию, а другой приподняв его лицо, Гу Цзинцзэ попытался заглянуть ему в глаза, чтобы оценить состояние, но Цзян Фэн всё отворачивался, не давая разглядеть себя, и лишь упорно тянулся к его губам, жаждая продолжения.

Гу Цзинцзэ вдруг испугался — не столько нынешнего Цзян Фэна, сколько его странного, совершенно неадекватного поведения: он решил, что загнал человека в угол.

В паре отвернув голову, он не позволил Цзян Фэну продолжать, прижал его к своей груди и заговорил мягким, успокаивающим тоном:

— Не надо так. Я виноват, не стоило давить на тебя, води себя послушно...

Услышав это, Цзян Фэн словно принял успокоительное — он покорно прижался к его телу, а голос его сорвался на рыдания:

— Скажи, тебя... тебя раньше звали... — не успел он договорить, как Гу Цзинцзэ легко похлопал его по спине и, наплевав уже на всякую гордость, поспешно ответил:

— Да, это мое детское прозвище, бабушка придумала...

Получив долгожданный ответ, Цзян Фэн мгновенно успокоился, и на сердце у него стало так легко, словно огромный камень сорвался с души.

Он крепко обвился руками вокруг талии Гу Цзинцзэ, боясь, что стоит ему разжать объятия — и тот исчезнет.

Облегчение от возвращения утраченного плескалось в его глазах бурной волной, готовое перелиться через край.

Побув какое-то время в объятиях Гу Цзинцзэ, Цзян Фэн наконец медленно поднял голову. В его взгляде читались обида и скрытая горечь, и он тихо спросил:

— Скажи... а ты теперь хочешь его увидеть?

Голос его звучал едва слышно, словно любое неосторожное движение могло разрушить хрупкую красоту этого момента.

В то же время в вопросе сквозило столько робкой осторожности и попыток прощупать почву — он словно замер в ожидании приговора.

Услышав этот жалобный тон, Гу Цзинцзэ мгновенно всё понял.

Уголки его губ сами собой поползли вверх, тронутые нежной улыбкой.

А в глубине души ликовал маленький человечек, радостно приплясывая на месте.

Ах вот оно что! Ему следовало догадаться раньше: раз Цзян Фэн так нервничал и спешил, значит, банально ревновал... Хорошо еще, что он угадал наугад, иначе и вправду разбил бы парню сердце.

Как там это называется?.. Пока не столкнешься с соперником, не научишься дорожить.

Знал бы он, что эффект окажется настолько потрясающим, рассказал бы еще позавчера — пусть бы эта собачка привязалась к нему сильнее и вечно ходила бы в испуге перед угрозой потерять.

Счастливый Гу Цзинцзэ поцеловал Цзян Фэна в волосы и весело ответил:

— Не хочу. Какой же он противный был — ел за мой счет, пил за мой счет, я к нему со всей душой, а он меня обругал да еще и любимого мишку стащил! Я бы при первой встрече припомнил ему всё...

Блеск звезд в глазах Цзян Фэна в один миг угас, сменившись паникой и страхом.

— Вдруг у него была... м-м... — он попытался объяснить.

Гу Цзинцзэ притянул его за талию ближе, накрыл его губы поцелуем, обрывая все дальнейшие слова.

Эту задачку он решал с закрытыми глазами: секундой позже Цзян Фэн наверняка ляпнул бы что-нибудь вроде «А вдруг у него были причины?». Надо действовать на упреждение, не давая проблеме разрастись.

Иначе потом не оберешься сложных и мозговыносящих вопросов, которые неизбежно завершатся коронным: «Если мы упадем в реку вдвоем, кого ты спасешь?!»

И даже если он ответит, что Цзян Фэна, тот всё равно не поверит и начнет трепать ему нервы. Ответишь слишком быстро — обвинят в неискренности, затянешь с ответом — заявят, что в сердце нет места для него.

Умный мужчина никогда не создает себе проблем, а сразу пресекает их на корню, чтобы не

было последствий.

За ужином.

Гу Цзинцзэ хотел усадить Цзян Фэна рядом с собой, чтобы тотчас подавать ему нарезанные кусочки еды, но не успел и рта раскрыть, как Цзян Фэн сам перетащил стул и тихонько придвинулся вплотную, бросая вокруг вороватые взгляды — мол, никто ничего не заметил.

Глядя на это детское «прятание головы в кусты», Гу Цзинцзэ еле сдерживал смех, серьезно подозревая, что у Цзян Фэна прекрасно развиты конечности при полном отсутствии мозгов.

Разоблачать его он не стал — взял поданные управляющим Юем ребрышки и принялся разделявать их на аккуратные порции, а затем подвинул тарелку сидевшему рядом и неотрывно следившему за ним Цзян Фэну.

Цзян Фэн посмотрел на аккуратно нарезанное угощение, но есть не стал. Вместо этого он неуклюже попытался скопировать движения Гу Цзинцзэ и принялся кромсать собственную порцию.

Заметив это, Гу Цзинцзэ поначалу огорчился, решив, что Цзян Фэн упрямится, и мешать не стал, хотя ему ужасно не хотелось, чтобы тот отвергал его заботу.

Не прошло и минуты, как скрежет ножа о тарелку издал неприятный, резанувший слух звук.

Цзян Фэн растерянно уставился на упавшие на пол столовые приборы, глаза его затуманились от паники.

Он вскочил со стула, собираясь нагнуться и подобрать их.

Но не успел он и шевехнуться, как Гу Цзинцзэ с суровым лицом схватил его за запястье — вылитый родитель, отчитывающий провинившегося сорванца.

Почувствовав странное ощущение на тыльной стороне ладони, Цзян Фэн поднял голову и встретился взглядом с Гу Цзинцзэ.

Уловив гнев на дне чужих глаз, он запаниковал еще сильнее, охваченный чувством вины, и заговорил беспомощно и робко:

— Прости, я правда не нарочно... — с этими словами он понурил голову, словно провинившийся

ребенок, больше не смея смотреть в глаза Гу Цзинцзэ.

Гу Цзинцзэ закусил губу, в его взгляде читалась бездонная жалость. Особенно тяжело ему было видеть, как на смуглой коже ладони проступила яркая капля крови — сердце тут же сжалось от тревоги, сохранять хладнокровие больше не получалось.

Он быстро увел Цзян Фэна из столовой к раковине и принялся тщательно и бережно смывать с рук остатки соуса, чтобы едкие специи не разъедали свежий порез.

— Я и не думал тебя ругать! Упали приборы — и пусть падают, в конце концов, можно взять другие. Но ты же порезался, почему ты думал о какой-то ерунде, а не о себе? Неужели нельзя хоть немного о себе побеспокоиться? — голос его звучал излишне громко, выдавая всю глубину переполнявшей его нежности.

Цзян Фэн замер, слушая эти полные заботы упреки, а затем забормотал тихонько, успокаивая Гу Цзинцзэ и прося не переживать:

— Мне не больно, это пустяки, само заживет, не нужно... м-м... — Гу Цзинцзэ зажал его щеки пальцами, не давая говорить дальше.

Заставив его смотреть прямо на себя, он процедил:

— Какие к черту пустяки?! Тебе обязательно доводить себя до полусмерти, как в прошлый раз, чтобы я начал волноваться?! — в голосе звенел неподдельный гнев.

Заметив эту ярость, Цзян Фэн мгновенно напрягся, подавленный волной чужих эмоций, с которыми не знал как справиться.

Стараясь избежать его взгляда, он опустил глаза:

— Прости... я больше так не буду.

Не успело стихнуть эхо этих слов, как Гу Цзинцзэ разозлился еще пуще. Коротко хмыкнув, он отпустил руку Цзян Фэна, резко развернулся и, не оглядываясь, выбежал из кухни, быстрым шагом направляясь наверх.

Хлопнула дверь.

Цзян Фэн так и стоял у журчащего крана, не успев даже опомниться, пока Гу Цзинцзэ уходил наверх. Глядя ему в спину, он почувствовал, как паника охватывает его с новой силой.

Ресницы задрожали, губы сжались в тонкую линию, пальцы судорожно сжались в кулак — капля крови скользнула по тыльной стороне ладони к кончику пальца и упала на белый кафельный пол, образуя резкий контраст с чистой белизной.

— Прости... — прошептал он осипшим, глухим голосом.

Цзян Фэн простоял на месте целую вечность, но так и не дождался возвращения того человека — от этого на душе стало еще тоскливее и одиночественнее.

Он не понимал, чем именно умудрился рассердить Гу Цзинцзэ. Голова шла кругом, мысли путались.

Он ведь даже извинился и пообещал исправиться, так почему же всё обернулось против него? Неужели он и впрямь такой неуклюжий и никому не нужен?

А ведь он всего лишь пытался порезать мясо для него точно так же, не желая быть обузой.

— Ой-ой! Господин Цзян, вы же ранены! Идите сюда, я принесу аптечку и всё перевяжу! — управляющий Юй, закончив дела на кухне, вошел туда с намерением выжать стакан клубничного сока и приготовить его для Цзян Фэна, как вдруг наткнулся на столь пугающую картину.

Сердце старика едва не выпрыгнуло от жалости — он страшно переживал, как бы рана на руке парня не воспалилась.

Цзян Фэн попытался обработать всё сам, но управляющий Юй решительно пресек его попытки.

Пока он аккуратно бинтовал руку, он попутно читал Цзян Фэну нравоучения о жизни. Тот не раздражался — слушал молча, затаив дыхание, боясь, что своими неуклюжими словами снова кого-нибудь рассердит.

— Господин Цзян, вы уж не обессудьте за стариковское ворчание, — видя, что парень хранит молчание, управляющий Юй решил, что утомил его своей болтовней.

Цзян Фэн тут же вернулся из мира своих мыслей и торопливо отмахнулся:

— Нет-нет, что вы, вовсе не утомили. Мне даже нравится это ощущение... словно у меня есть родные, так тепло на душе.

От этих слов у Цзян Фэна внутри всё залило мягким светом.

— Ну и славно, раз не раздражаю.

— Управляющий Юй, а где ваша семья? Я что-то ни разу о них не слышал... — заметив, что настроение у Цзян Фэна незавидное, управляющий Юй попытался сменить тему, сам того не ведая, задев самое больное место.

Цзян Фэн неловко дернул уголком рта и ответил с напускной беззаботностью:

— Я вырос в детском доме, у меня нет родных...

Управляющий Юй замер с бинтом в руках.

Ему захотелось провалиться сквозь землю. Да он бы посреди ночи проснулся от угрызений совести и отвесил себе затрепину за длинный язык — надо же было ляпнуть такое!

— Вот оно как... — он не знал, как продолжить, боясь вновь потревожить чужие шрамы.

— Не корите себя, я уже привык. К тому же нынешней жизнью я более чем доволен, — Цзян Фэн сам поспешил сгладить неловкость.

— И то верно, надо смотреть вперед... А кем вы работали, господин Цзян? И как вы вообще оказались у молодого господина? — старик предпринял еще одну попытку разрядить обстановку.

— Был бойцом на ринге, заработал хронические травмы. Видимо, хозяин решил, что с меня больше нечего взять, и сбыл меня Гу Цзинцзэ по дешевке, — ответил Цзян Фэн спокойно и ровно, без тени гнева, словно речь шла о чем-то привычном.

Управляющий Юй: «.....»

Больше управляющий Юй не проронил ни слова. Закончив аккуратную перевязку, он выжал на кухне стакан клубничного сока и протянул его Цзян Фэну.

Приняв напиток, Цзян Фэн почувствовал, как по телу разливается тепло:

— Спасибо вам, — в его глазах читалась искренняя благодарность.

— Ой, да брось ты, какая церемония, это моя обязанность.

Едва договорив, управляющий Юй вспомнил кое о чем и полез в пухлый карман за целой жменей клубничных леденцов на палочке.

С улыбкой полной отеческой нежности, он протянул их:

— На, возьми. Я специально привез все запасы из дома, чтобы этот негодник не умял их тайком. Спасибо, что выручил, иначе бы я их просто выбросил — какая была бы жалость.

Предугадав возможный отказ из соображений скромности, управляющий Юй заговорил первым.

Цзян Фэн уставился на леденцы, на миг опешил, а сообразив, бережно зажал их в ладони с трепетом величайшего сокровища.

В ту же секунду его глаза застилала слезы. Пустота в глубине души наполнилась до краёв: пусть поздно, но это тепло всё же согрело сердце.

Цзян Фэн обнял управляющего Юя и, срываясь на плач, проговорил с чувством:

— Спасибо вам, дедушка Юй, я... я правда очень...

Управляющий Юй поднял руку и неуверенно похлопал его по спине, мягко произнося:

— Не плачь, я же знаю, что тебе нравится. А раз нравится, так я только рад. Перестань грустить, ладно? Не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным.

— Хорошо, — глухо отозвался тот.

Успокоившись, Цзян Фэн попросил управляющего Юй выделить ему другую комнату. Пусть временное жильё оказалось небольшим и пыльным, но он вовсе не был привередливым, к тому же эта комната казалась лучшей из всех, где ему доводилось бывать: с крошечным балконом и собственной ванной, она походила на отдельную маленькую квартиру.

Это был его собственный уголок, где не приходилось чувствовать себя нахлебником.

Хоть покои Гу Цзинцзэ и выглядели куда роскошнее, ему они не принадлежали — там он был лишь временным гостем.

— Внучок, вот тебе чистое одеяло, смотри не замерзни ночью, — управляющий Юй принес свежие постельные принадлежности и отдал Цзян Фэну.

После всего произошедшего пожилой мужчина сам предложил Цзян Фэну стать его приемным

сыном — и вовсе не из жалости, а потому что искренне привязался к нему, уважая его характер и порядочность.

Он был готов хоть сейчас выставить за дверь своего непутевого внука и забрать Цзян Фэна к себе.

— Спасибо вам, дедушка Юй.

— Тьфу, опять ты за свое, какая неблагодарность, чужими стали, — нахмурился управляющий Юй, делая вид, что сердится.

Цзян Фэн потер покрасневшее ухо:

— Хорошо, слушаюсь вас.

— То-то же. Отдыхай давай, а я пойду.

— До свидания, дедушка Юй.

Попрощавшись с управляющим, Цзян Фэн умылся и, прижав к груди плюшевого мишку, уловившего слабый аромат чая Юйлун, забылся сном.

Перед этим он заходил в комнату Гу Цзинцзэ, надеясь сгладить неловкость, но никого не застал — его встретила лишь пустая комната.

Управляющий Юй сказал, что Гу Цзинцзэ, вероятно, отлучился по срочному делу, так что волноваться не стоит.

Поэтому Цзян Фэн больше не стал упорствовать в поиском — да и где его искать.

— Черт, угораздило же вляпаться в пробку среди ночи! — Гу Цзинцзэ сдвинул брови, с явным раздражением глядя на превратившуюся в сплошной затор дорогу за окном, и мысленно выругался.

Он и так провозился чертовски долго, надеясь вернуться побыстрее — поездка казалась недолгой, но застрял намертво.

С трудом добравшись наконец до дома, Гу Цзинцзэ пулей взлетел внутрь с заживляющей мазью от шрамов наперевес.

Переступив порог, он обнаружил, что просторный дом абсолютно пуст... это вызвало новый приступ глухого раздражения.

Помотав головой от надвигающейся головной боли, он бросил взгляд на настенные часы и мысленно обругал собственную глупость.

Время перевалило за полночь — около десяти часов вечера, прошло уже целых три часа с момента той ссоры.

<http://bllate.org/book/22362/2344620>